

Владимир Лапин

КАЗАЧЕСТВО РОССИИ В РОЛИ ИМПЕРСКОГО ИНТЕГРАЦИОННОГО МЕХАНИЗМА (XVII — НАЧАЛО XX ВВ.)

Лапин Владимир Викентьевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского Института истории РАН; профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге; lapin@eu.spb.ru

Аннотация: В XVI — начале XX вв. в приграничье России существовали особые военно-административные образования — округа казачьих войск, население которых несло военную службу по особым правилам, и сами казаки формировали особое сословие. Кроме выполнения военных функций (комплектование конных и пеших полков для армии, охрана границ) казачество являлось средством инкорпорации инородцев (калмыков, осетин, кабардинцев, башкир, сибирских татар, бурятов), которые включались в войсковое сословие. Эта социальная группа не поставляла рекрутов в армию; кроме того, казаки имели ряд привилегий, обеспечивались земельными и промысловыми угодьями, культивировали воинские традиции. Все это делало казачество привлекательным для инородцев. Статус казака давали некоторым группам населения в расчете на последующее расслоение на основные сословия (дворянство, купечество, крестьянство и т. д.). Служба в казачьих войсках являлась действенным инструментом русификации.

Ключевые слова: казачество, Российская империя, интеграция, казачье войско, инородцы, русификация.

DOI: 10.33280/3034-3216.2024.88.54.001

Lapin Vladimir Vikent'evich, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher at St. Petersburg Institute of History of the RAS; Professor of European University at St. Petersburg; lapin@eu.spb.ru

Abstract: In the 16th — early 20th centuries, in the Russian borderlands there were special military-administrative formations — districts of Cossack armies, the population of which performed military service according to special rules, and the Cossacks themselves formed a special social category. In addition to strictly performing military functions (recruiting horse and foot regiments for the army, guarding borders), the Cossacks were a means of incorporating non-Slavs (Kalmyks, Ossetians, Kabardians, Bashkirs, Siberian Tatars, Buryats), who were included in the "military estate". This social group did not supply recruits to the army; moreover, the Cossacks had a number of privileges, were provided with land and fishing grounds, and cultivated military traditions. All this made the Cossacks attractive to foreigners. Cossack status was given to certain groups of the population in anticipation of subsequent stratification into the main social categories (nobility, merchants, peasantry, etc.). Service in the Cossack armies was an effective tool for Russification.

Keywords: Cossacks, Russian Empire, integration, Cossack host, non-Slavs, russification.

Vladimir Vikent'evich Lapin

The Cossacks of Russia in the role of the imperial integration mechanism (XVII — early XX centuries)

В конце XIX в. вдоль южных и восточных границ Российской империи от Азовского моря до Тихого океана протянулась цепочка особых военно-административных структур — областей казачьих войск (донское, астраханское, кубанское, терское, уральское, оренбургское, семиреченское, сибирское, забайкальское, амурское и уссурийское). Их население освобождалось от государственных налогов и повинностей, наделялось земельными и промысловыми угодьями в обмен на военную службу. Этот «договор» между государством и казаками был оформлен в виде их выделения в особое сословие. Боевым заслугам «донцов-молодцов» в войнах России XVIII — начала XX вв., роли кубанцев и терцев в покорении Кавказа, значению казаков Сибири для колонизации этого края посвящено множество книг и статей. Но вопросы функционирования казачьих областей и создававшихся в них воинских формирований как интеграционных механизмов до сих пор не стали предметом специального изучения.

Социальная история России Нового времени — непрерывная трансформация сословной организации. Пребывание в одном из «состояний» определяло обязанности и привилегии всех подданных, занятия и весь образ их жизни. Информация о принадлежности к дворянству, крестьянству, купечеству, духовенству и пр. была важнейшими данными о человеке и во многих официальных бумагах указывалась перед фамилией и именем. Поэтому все, кто оказался в Российской империи после изменения ее границ или добровольно избрал Россию своим новым местом жительства, должен был определиться со своим сословным статусом. Сумевшие доказать свои дворянские права, записавшиеся

в ремесленники или купцы, поступившие классными чинами на гражданскую или военную службу и получившие статус колонистов не создавали особых проблем для властей. Те же, кто по своим социальным параметрам больше всего подходил к группе государственных крестьян рисковали автоматически испытать на себе рекрутчину, подушное обложение и все прочие повинности, «приличные» данному состоянию.

В ряде случаев выходом из положения стало присвоение новым подданным прав казачества. Более высокий по сравнению с крестьянством статус позволял создать психологически и социально комфортные условия для новых подданных. Отсутствие податного обложения, возможность выслуги во время войны, отсутствие жесткого общинного контроля ускоряло движение социального лифта, и такого рода «временные казаки» растворялись впоследствии в различных слоях населения. Так в 1738 г. служившие в «нерегулярных эскадронах» армяне и грузины получили землю для поселения у Кизляра. На Украине бежавшим из турецких владений армянам, при условии их службы, давали угоды¹. 30 января 1797 г. Павел I повелел поселенных в Таврии греков принять в ведение военной коллегии «по положению о донских казаках (курсив мой. — В. Л.) ... вооружа их по их обряду и обмундировав цветом зеленым и красным по их обычаю». Так же предписывалось поступить и с албанцами, если таковые найдутся². Новых казаков поселили в Крыму от Балаклавы до Феодосии³. В мае 1797 г. чинам иррегулярного греческого дивизиона, располагавшегося в районе Одессы, было позволено «кто куда вписаться пожелает»⁴. В российском Причерноморье в конце XVIII — первой половине XIX вв. было создано еще несколько греческих и албанских частей, которые боевого значения не имели и служили для оформления социального статуса выходцев из Греции⁵.

1 Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание первое. Т. 10. № 7614 (от 04.07.1738).

2 ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 24. № 17774 (от 30.01.1797).

3 ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 24. № 17905 (от 04.04.1797).

4 ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 24. № 17967 (от 20.05.1797).

5 Саложников И., Белоусова Л. Греки под Одессой. Одесса; Ильичевск, 1999. С. 56–102; ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 24. № 18227 (от 29.10.1797); ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 27. № 20919 (от 29.08.1803); ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 27. № 20998 (от 22.10.1803); ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 20. № 14901; ПСЗРИ. Собрание первое.

Еще в первой половине XVIII в. выходцев из Турции охотно принимали на русскую службу, платили довольно высокое жалование, старались формировать части по национальному признаку, а когда это не удавалось, отправляли этих искателей приключений в слободские казачьи полки⁶. Было сформировано несколько полков (Сербский, Болгарский, Македонский, Далмацкий, Молдавский, Венгерский, Грузинский, Волошский) из иммигрантов-христиан, получивших статус казаков⁷. Под штандарты этих частей собирались в большом числе всякого рода деклассированные элементы. Генерал С. С. Пишчевич (серб по национальности) так характеризовал нравы своих сослуживцев: «все то было строптиво, развращено, пьяно, и всякий день происходили между ними и обывателями драки и ссоры ... и бывало иногда как напившись пьяные между собой подерутся, то со страху обыватели из села вон бегут...»⁸ Команда, составленная из черногорцев и предназначенная для комплектования гусарских эскадронов конвоя Екатерины II во время коронации, бесчинствовала в Москве⁹. В 1751–1763 гг. к югу от реки Северский Донец даже существовала автономная область, заселенная выходцами с Балкан и получившая название «Славяносербия». Основу поселенцев составили сербы, охранявшие границу между Австрией и Турцией (граничары), имевшие социальную и военную организацию аналогичную казачьей. Они организованно переселились в Россию, к ним присоединились прочие выходцы из турецких и австрийских владений. Когда поток иммигрантов ослаб, эти части стали пополняться русскими, переименовываться и, наконец, превратились в обычные гусарские полки (Изюм-

Т. 23. № 17320, 17972, 18277; ПСЗРИ. Собрание 2. Т. 27. № 20998; ПСЗРИ. Собрание 2. Т. 31. № 24413; ПСЗРИ. Собрание 2. Т. 32. № 27812 (приказ военного министра от 21.10.1859 № 255).

6 ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 4. № 2148 (от 20.04.1707); № 2613 (от 17.12.1712); ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 9. № 6729 (от 25.04.1735); ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 10. № 7663 (от 20.01.1737).

7 ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 13. № 9919, 9934; ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 16. № 12099.

8 *Пишчевич С. С.* Известия о похождениях Семиона Степанова сына Пишчевича // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских. Кн. 4. М., 1881. С. 417.

9 *Пишчевич С. С.* Известия о похождениях Семиона Степанова сына Пишчевича // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских. Кн. 2. М., 1882. С. 351.

ский, Ахтырский, Ольвиопольский и др.), комплектовавшиеся на общих основаниях рекрутской повинности¹⁰.

Молдаване, греки, сербы, болгары и другие бывшие турецкие подданные, получившие земли на берегах рек Ингулец и Буг, образовали в 1785 г. Бугское казачье войско, упраздненное в 1817 г. Жители бывшей войсковой территории уже на основании рекрутчины стали пополнять 1-й и 2-й Бугские уланские полки. К Дунайскому казачьему войску, начало которому положили запорожцы, некогда бежавшие в Турцию, но перешедшие в 1806 г. на сторону России, в 1816 и 1844 гг. присоединили славянских выходцев из Турции, а в 1836 г. — местных оседлых цыган. В 1868 г. это войско упразднили, а казаков переписали в государственные крестьяне.

В 1801–1802 гг. было принято решение придать казачью организацию ногайцам, кочевавшим в Таврии, которые должны были выставлять два пятисотенных полка. Для них было приготовлено вооружение и даже знамена, но ногайцы, проявив завидную последовательность в своем нежелании нести военную службу, от чести стать казаками отказались и в 1805 г. были переведены в земледельческое сословие¹¹. В конце XVIII — начале XIX вв. имели место правительственные меры, которые можно расценить как попытки упорядочить военную службу крымских татар, применяя при формировании иррегулярных полков ряд норм, характерных для казачества¹².

Допуск и даже привлечение инородцев в казачьи полки стимулировалось тем, что в головах чиновников всех уровней и всех ведомств закрепился тезис о благодетельности армейской школы для всех «племен», населявших империю. Таврический генерал-губернатор Э. О. Ришелье еще в 1810-е гг. предлагал сформировать два полка по казачьим лекалам из крымских татар и отправлять их на службу к польской границе, где их чины будут «приучаться к языку и нравам» более культурного населения¹³. «Проведение инородцев через наши войска — могучее средство их русификации», — уверял в 1910 г. иркутский генерал-

10 Военный сборник. 1890. № 9. Приложение 1. С. 76.

11 ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 28. № 21752 (от 13.05.1805).

12 Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1286. Оп. 54. Д. 55. Л. 1-3, 7, 16-20, 102; *Муфтийзаде И.* Очерк военной службы крымских татар с 1783 по 1889 год // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1899. № 30. С. 3-6.

13 РГИА. Ф. 1341. Оп. 9. Д. 2144. Л. 23-23 об.

губернатор А. Н. Селиванов, имея в виду прежде всего бурятов и эвенков (тунгусов)¹⁴. В материалах совещаний 1910–1915 гг. о воинской повинности в различных редакциях представлен следующий тезис: «Нижние чины-туземцы, уходя со службы в запас, понесут в свои глухие трущобы и аулы более просвещенный уклад жизни, новые понятия и взгляды, [будут] распространять эти начала в среде своих соплеменников, что послужит надежным средством для утверждения нашего духовного влияния над туземцами Кавказа, обеспечит успешный ход сближения их с русским населением и послужит связующим началом политического единства государства»¹⁵.

Применительно к военной службе национальность во многих случаях являлась социальной категорией, поскольку иноходец отбывал эту повинность по особым правилам. При переходе в казачество «азиатцы» переставали быть таковыми — на них и их потомство распространялось действие соответствующих законов, определявших их служилое состояние. На рубеже XVIII–XIX вв. это была уже обычная практика. Указом Павла I от 12 октября 1799 г. в казаки записали ясачных крестьян и татар нескольких уездов «Оренбургской округи»¹⁶. В 1848 г. было разрешено принимать в Оренбургское и Уральское казачье войска башкир, киргизов и других «азиатцев», которые удовлетворяли следующим требованиям: должны были иметь утвержденное «удостоверение в благонадежности поведения», быть годными к военной службе, владеть достаточными средствами для «оседлого обзаведения»¹⁷. В 1856 г. на закубанских армян были распространены правила прикомандирования «азиатцев» к казачьим полкам на Кавказе. Они получали содержание наравне с казаками, но сохраняли свои наименования (бек, нукер и т. д.), национальную одежду и вооружение, освобождались от учений. При условии хорошего знания русского языка получали возможность выслужиться до унтер- и обер-офицерских чинов¹⁸.

14 Цит. по: Дамешек Л. М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири. XIX — начало XX века. Иркутск, 1986. С. 112.

15 РГИА. Ф. 1276. Оп. 11. 1915 г. Д. 840. Л. 18 об.

16 ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 25. № 19150.

17 ПСЗРИ. Собрание 2. Т. 23. № 22497 (от 14.08.1848).

18 ПСЗРИ. Собрание 2. Т. 31. № 31063 (от 27.10.1856).

Известный публицист генерал Р. А. Фадеев предлагал собрать восемь калмыцких, шесть киргизских, шесть ногайских и туркменских пятисотенных полков, которые прикомандировывались бы к Терскому, Донскому и Уральскому казачьим войскам. По мнению генерала, не было нужды в организации каких-либо кадровых частей, поскольку в каждом из этих казачьих войск имелось достаточное число запасных офицеров. Так как кочевники по роду своей деятельности были прекрасно подготовлены для службы в легкой кавалерии и не требовалось их использование в боевых действиях на европейском фронте, можно было обойтись без учебных подразделений: «природных» навыков кочевников вполне достаточно для службы на азиатских рубежах. Во избежание социальных потрясений следовало строго соблюдать принцип постепенности, разделив улусы на полковые участки. Призыв следовало осуществлять так, чтобы за 10 лет все, способные носить оружие, прошли через службу в привычной обстановке¹⁹.

Применение принципов казачьей организации службы оказало большое влияние на жизнь башкир, которые вошли в состав России при Иване Грозном. Именно они в XVI–XVIII вв. составляли основную массу иррегулярной инородческой конницы, именуемой по традиции «татарами». Тяглое население выставляло ополчение при объявлении сбора на «большую повальную службу» (по одному всаднику от трех дворов), без объявления такой «мобилизации» в поход шли только служилые башкиры²⁰. Ежегодно 1500 всадников охраняли Закамскую укрепленную линию, около 3000 участвовало в Семилетней войне, в подавлении Польского восстания 1772 г., в защите побережья Эстонии во время Русско-шведской войны 1788–1790 гг.²¹

В отличие от остальных народов Поволжья и Урала башкиры сохраняли воинские традиции, демонстрировали великолепную выездку и навыки владения оружием. В 1788 г. по инициативе генерал-майора А. Е. Игельстрема были сформированы

19 Фадеев Р. А. Собрание сочинений. Т. 2. С. 147–148.

20 История Татарской АССР. Т. 1. Казань, 1955. С. 155; История Башкортостана. Ч. 1. Уфа, 1991. С. 60; Усманов А. Н. Башкирский народ в Отечественной войне 1812 года. Уфа, 1964. С. 9–11; Янгузин Р. З. Социальная структура башкирского общества в XVIII–XIX вв. Уфа, 1987. С. 63–65.

21 Усманов А. Н. Башкирский народ в Отечественной войне 1812 года. С. 17–19.

два полка. Один из башкир, численностью 1271 человек, а второй из мещеряков, в составе пяти сотен (645 человек). Деление по национальному принципу объяснялось тем, что между этими племенами царили «непрекратимое несогласие и беспредельная зависть, вселённая в них от давних времен стараниями прежних правительств по тогдашним обстоятельствам и донныне продолжающиеся, отчего башкирец у мещеряка, а мещеряк у башкирца отнюдь под начальством жить не хочет...»²²

Полки формировались на добровольной основе, причем каждый охотник должен был быть ростом не менее в два аршина, три вершка с тремя четвертями, не иметь недоимок и не состоять под судом; а заключаемый трехлетний контракт с допускал возможность пролонгации. Все чины получали довольствие по казачьим нормам, оружие и боеприпасы. Лошадей (верховую и вьючную), седло и обмундирование всадник приобретал за свой счет. В штате обоих полков был мулла, денежное жалование которого (24 рубля серебром) составляло половину оклада есаула. Командный состав формировался из местной башкирской и мещерякской знати, но для ведения документации к полкам были прикомандированы два обер-офицера и два писаря²³. Аналогичная практика была характерна и для казачьих войск. О том, что правительство понимало необходимость адаптации инородцев к условиям армейской службы, свидетельствует распоряжение генерал-майора Игельstroma при формировании башкирского и мещерякского полков: использовать в качестве униформы национальную одежду, а также разрешить носить бороду и усы. Не требуя точного соблюдения единства в покрое, командование удовлетворилось единством цвета. У чинов башкирского полка — кафтаны и шаровары были красные при белых полукафтанах, а у мещеряков — наоборот. Эти полки предназначались для внешней службы и предусматривалось даже пополнение в случае надобности «из людей других наций». Особо следует отметить то, что, согласно положению об этих полках, охотники не освобождались от мирских повинностей и от очередного наряда на Закамскую линию. Устанавливалась система учета принимаемых на службу, чтобы они не оказывались вне поля зрения властей

22 РГИА. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 113. Л. 3.

23 РГИА. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 113. Л. 4, 6–10, 17–18.

при отставке. Эти меры, равно как и составление аттестатов о поведении всадников обоих полков, можно расценить как проявление усиления контроля коронной власти в национальных районах²⁴.

В 1760–1780-е гг. выполнение караульных, конвойных, полицейских функций, формирование полков для внешней службы, сопровождавшееся освобождением от ясака, на территориях, населенных башкирами, приняло такие масштабы, что правительство сочло необходимым привести сословную организацию в соответствие с социальными реалиями. Самым логичным был перевод башкир на положение казаков, тем более что на практике это уже состоялось. Важным шагом на пути формирования башкиро-мещерякского войска стало разделение местного населения в 1789 г. на 103 команды (юрты) с назначением старшин, сотников и походных атаманов.

Оренбургский губернатор А. А. Катенин писал в 1790 г.: «нет надобности заботиться о снабжении их (башкир. — *В. Л.*) провиантом как прочие войска ... Вообще для государства в общем экономическом отношении обязательная служба башкир сопряжена с меньшими финансовыми пожертвованиями, чем служба *прочих казачьих войск*» (курсив мой. — *В. Л.*)²⁵. Вероятно, именно это соображение стало решающим в судьбе башкир, поскольку в 1789 г. предполагалось обложить этот народ наравне с государственными крестьянами повинностями (рекрутчиной в том числе), но потом было решено поступить иначе²⁶.

Согласно указу Павла I от 10 апреля 1798 г. предписывалось местным властям провести «точное исчисление» башкир, казаков и калмыков Оренбургской губернии. Все эти инородцы в возрасте от 20 до 50 лет и распределялись по одиннадцати — кантонам с установлением для каждого из них определенного места службы на укрепленной линии, протянувшейся от крепости Усть-Уйской в 200 верстах от современного Кустаная через Верхоуральск, Орск, Оренбург и далее по реке Урал до Каспия. Охрану границы следовало нести с 16 апреля по 16 ноября,

24 Там же. Л. 17–17 об., 19–21.

25 Асфандияров А. З. Введение кантонной системы управления в Башкирии // Из истории Башкирии: Дореволюционный период. Уфа, 1968. С. 157.

26 ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 23. № 16825.

т. е. в период, когда благодаря наличию подножного корма зауральские степи были проходимы для отрядов хивинцев и казахов. Каждые пять дворов (или одиннадцать душ мужского пола) выставляли по одному полностью снаряженному всаднику. Кроме того, население кантона обязывалось оказывать помощь хозяйству «линейца», «дабы оно упущено не было». Обычный наряд на линию составлял около 5400 человек. Указом от 14 сентября 1806 г. башкирам было запрещено самовольно покидать кантон, они прикреплялись к месту службы²⁷.

По тому же указу Павла I разделенные на пять кантонов мещеряки выставляли в мирное время 1100 человек или по одному всаднику с каждых четырех дворов. В начале XIX в. в рамках упорядочивания сословной организации правительство задумалось о социальном статусе тептярей и бобылей, которые жили в Оренбургской губернии, обладали субэтничным и групповым самосознанием, будучи сообществом, включающим в себя башкир, марийцев, чувашей, татар, удмуртов и мордву — немногочисленные отатарившиеся группы финно-угорского населения Поволжья. Они фактически находились, как и башкиры, на положении казаков, формируя два конных полка. В 1819 г. в Комитет министров поступило предложение этот субэтнос постепенно «привести к общероссийскому знаменателю»: командиров уравнивать в чинах с армейскими офицерами, полки упразднить, а рядовых тептярей и бобылей брать в армию рекрутами (как государственных крестьян), но только на 15 лет с возвращением «в первобытное состояние». Министры отвергли это предложение, ссылаясь на то, что это «произвело бы между тептярским и бобыльским народом новое дворянство, права коего обратятся без сомнения во вред народа утеснением в землях и поселением на оных крестьян владельческих»²⁸. В конце концов в 1855 г. тептяри и бобыли были включены в состав башкирско-мещеряцкого войска, и еще в 1790 г. этим этносам подушный оклад снизили до 80 копеек, повелев одновременно собрать с них пятисотенный полк «по образцу прочих иррегулярных»²⁹.

27 ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 29. № 22284.

28 ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 40. № 25201 (от 18.07.1819).

29 ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 23. № 16974.

В 1806–1807 гг. кроме обычного наряда на линию башкирско-мещерякское войско выделило около 8 тысяч человек для сражения с французами в Восточной Пруссии. В начале 1812 г. на западных границах России несли службу семь пятисотенных башкирских и тептярских полков. В общей сложности в боях и походах 1812–1814 гг. приняло участие 28 полков, сформированных из этих народностей, численностью около 12 тысяч человек, что составляло примерно 10 % иррегулярной конницы, имевшейся в распоряжении русского командования. Некоторые из этих полков дошли до Парижа. Экзотический вид степных воинов произвел неизгладимое впечатление на жителей Европы: изображения бородатых казаков, вооруженных луками башкиров и калмыков стали едва ли не обязательным элементом картин европейских художников, обращавшихся к теме кампаний 1812–1814 гг.³⁰

Усиление Уральского, Оренбургского и Сибирского казачьих войск, ослабление напряженности на степной границе в связи с установлением протектората России над северным Казахстаном привело к упразднению Закамской (Оренбургской) укрепленной линии. Места службы башкир оказались удаленными на сотни верст от мест проживания, а «командировки» оказывались дорогостоящим и хлопотным мероприятием.

В первой половине XIX в. наблюдалось устойчивое усиление «регулярности» казачьих формирований (выпуск нормативных актов по организации службы, унификация вооружения и обмундирования). Все это в разной мере касалось и национальных частей³¹. С 1840 г. офицеры башкирско-мещерякского войска служили по правилам Донского войска³². С 1846 г. в национальной одежде разрешалось появляться только на Оренбургской кордонной линии. На западные границы империи башкирские полки должны были являться только в форменном обмундировании³³.

При этом уже в 1830-е гг. начался процесс расказачивания башкир, мещеряков, тептярей и бобылей путем замены действительной службы уплатой специального сбора³⁴. Их разделили на

30 Усманов А. Н. Башкирский народ в Отечественной войне 1812 года. С. 24, 28, 49, 54–57, 65, 68, 78.

31 ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 31. № 24155, № 24561; ПСЗРИ. Собрание 2. Т. 10. № 8064.

32 ПСЗРИ. Собрание 2. Т. 15. № 13611.

33 ПСЗРИ. Собрание 2. Т. 21. № 19717.

34 ПСЗРИ. Собрание 2. Т. 21. № 20652 (от 29.11.1846); ПСЗРИ. Собрание 2. Т. 19. № 17572.

служащих и не служащих, сократили наряд на службу, обложили денежным сбором³⁵. В конечном итоге в 1863 г. все эти этносы «получили гражданское устройство как свободные сельские обыватели». При этом те из них, кто получил действительные офицерские чины, утверждались в потомственном дворянстве, а чины зауряд — в личном³⁶. Одновременно «переписали» в государственные крестьяне тептярей и бобылей.

Была учреждена Уфимская губерния с соответствующим упразднением в этом крае военной администрации. Переход из служилого сословия в крестьяне смягчался тем, что рекрутские наборы не производились несколько лет, и население поначалу восприняло перемены как освобождение от службы. Кроме того, в 1865 г. много башкир было причислено к Уральскому войску³⁷. После введения всесословной воинской повинности они проходили службу в особом башкирском полку, с командным русским языком, с русскими (в основном) унтер- и обер-офицерами³⁸. В этой части сочетались общеармейские и казачьи принципы комплектования. Башкиры являлись на службу как казаки — с полным набором снаряжения и на своей лошади, получая от казны только обмундирование и оружие. При этом казаки пользовались войсковыми угодьями без платы податей, а башкиры облагались налогами и повинностями как государственные крестьяне. Таким образом, этот полк обходился казне в два раза дешевле обычного армейского. Дополнительными расходами на лошадей и снаряжение башкиры «оплачивали» привилегию служить в национальной части. При мобилизации из запасных нижних чинов комплектовалось еще два полка по составу военного времени, и, кроме того, два запасных и два маршевых эскадрона³⁹.

«Башкиры гордятся своим конным полком и смотрят на него как на возрождение войска, о существовании которого живы еще предания среди старожилов, побывавших в рядах

35 История казачества азиатской России. Т. 2. Вторая половина XIX — начало XX века. Екатеринбург, 1995. С. 15–16.

36 ПСЗРИ. Собрание 2. Т. 39. № 39622 (от 14.05.1863 «Высочайше утвержденное положение о башкирах»).

37 ПСЗРИ. Собрание 2. Т. 40. № 42052.

38 ПСЗРИ. Собрание 2. Т. 49. № 53706.

39 *Квитка А.* Заметки о башкирском конном полку // Военный сборник. 1882. № 6. С. 316–317.

башкирского воинства и с гордостью вспоминающих о былом»⁴⁰. Служба в дивизионе способствовала распространению русского языка среди башкир⁴¹. Однако усиление в военном ведомстве позиций тех, кто ратовал за упразднение частей, укомплектованных по национальному принципу, привело к упразднению Башкирского конного полка в 1882 г.⁴²

Двойственность правительственной политики по отношению к национальной элите отчетливо проявилась в организации службы командного состава башкирско-мещеряцкого войска. Зауряд-офицеры исполняли обязанности военных начальников, получали офицерское довольствие, носили офицерскую форму, но без эполет и с особыми значками. Те из них, кто имел образовательный ценз и был моложе 28 лет, мог поступать на льготных условиях в военно-учебные заведения.

Туземные чиновники весьма медленно продвигались по служебной лестнице: сначала три унтер-офицерских чина, затем — три зауряд-офицерских чина (давали право занимать командную должность, но не претендовать на дворянство) и только после этого (обычно через 12–15 лет службы) они получали первый классный чин хорунжего (14-й класс). Кроме того, особенностью башкирского общества было то, что местные многочисленные князья, несмотря на свой титул, не гнушались служить исправниками, лесными надзирателями, станционными смотрителями и т. д.⁴³

Участие башкирских полков в кампаниях 1812–1814 гг. привело к тому, что 1/5 войскового сословия имела зауряд-офицерские чины, что не давало никаких практических преимуществ.

Однако можно согласиться с американским исследователем Ф. Бауманном, считавшим организацию службы башкир в XIX в. наиболее успешным экспериментом царского правительства в создании многонациональной армии⁴⁴. Служба по казачьим правилам в течение полувека позволила целой группе уральских этносов (башкиры, мещеряки, тептяри и бобыли)

40 Там же. С. 316.

41 Там же. С. 317.

42 ПСЗРИ. Собрание 3-е. Т. 2. № 804 (от 13.04.1882).

43 *Нигматуллин Г. Н.* О социальном строе башкирского общества в первой половине XIX века // Из истории Башкирии. Уфа, 1968. С. 42–54.

44 *Baumann F.* Subject Nationalities in the Military Service of Imperial Russia. The Case of The Bashkirs // *Slavic Review*. 1987. Vol. 46. № 3/4. P. 493–501.

постепенно «унифицироваться» в социальной системе Российской империи.

С XVII — первой половины XIX в. калмыки участвовали в военных походах совместно с русскими войсками⁴⁵. Русский посол в Дании В. Л. Долгоруков писал в 1708 г.: — «все приезжие офицеры из обозу шведского в Стокгольм единогласно сказывают, что превеликую терпят обиду от партий, которые посылаются от войска вашего величества, а особенно от калмык и казаков, которые им выпастья не дают»⁴⁶. Особо отличились три калмыцких полка в 1812 г. и во время заграничного похода 1813–1814 гг.

Установленную в 1727 г. границу длиной более 3000 км между Россией и Китаем можно было охранять только с привлечением отрядов туземцев — бурятов и тунгусов, для которых оборона империи означала защиту собственной территории. Однако приграничные земли оказались малопригодными для скотоводства и охоты, из-за чего буряты и тунгусы, не занимавшиеся земледелием, откочевали, оголив рубежи. Положение исправили, переведя туземцев на положение казаков: служащих освободили от ясашной подати, стали платить им жалование, разделили на «дистанции» и полки⁴⁷. Один год они находились на службе (дозор на пограничной кордонной линии, конвоирование казенных грузов и арестантских партий, охрана различного казенного имущества). Состояние в казачьем сословии было выгодным и престижным — желающих записаться в казаки из числа туземцев всегда было больше потребности, но желание зависело и от места проживания. Те, чьи кочевья располагались далеко от границы, наоборот, массово подавали прошения о переводе на ясак, поскольку длительные отлучки разоряли их хозяйство⁴⁸. В 1785 г., когда ожидалось нападение китайских войск на Нерчинск, буряты выставили 2500 человек, а тунгусы — 1500 человек⁴⁹.

45 См.: *Беликов Т. И.* Участие калмыков в войнах России в XVII, XVIII и первой четверти XIX веков. Элиста, 1960; *Прозрителев Г.* Военное прошлое наших калмык. Ставрополь, 1912.

46 Письма и бумаги Петра Великого. Т. 8, вып. 2, М., 1951. С. 755.

47 *Буссе Ф.* Забайкальское инородческое войско. М., 1897. С. 25–42; ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 8. № 5254.

48 *Самбуева Л. В.* Бурятское и эвенкийское казачество на страже Отечества (вторая четверть XVIII — первая половина XIX вв.). Улан-Удэ, 2003. С. 52–53, 75.

49 *Буссе Ф.* Забайкальское инородческое войско. М., 1897. С. 41–42.

В начале XIX в. в бурятских полках состояло 30 офицеров и чиновников, 2372 служилых казака и 790 подростков. В эвенкийском полку — шесть офицеров и чиновников, 495 служащих и 169 подростков⁵⁰. Эти цифры для огромной армии империи выглядят незначительными, но учитывая малочисленность русских военнослужащих в Восточной Сибири, казаки-туземцы играли важную роль в охране границ. Важным было и то, что они исподволь воспринимали элементы российской военной субкультуры, проходя таким образом своеобразный путь русификации. В Своде военных постановлений 1838 г. указывалось, что четыре бурятских полка и один тунгусский вместе с командами русских пограничных казаков составляют стражу пограничной китайской линии и состоят в гражданском ведомстве, получая от военного только жалование.

В первой половине XIX в. правительство рассматривало три варианта «устройства» бурят и тунгусов. Первый предусматривал перевод всех туземцев на ясак с обязательством в случае военной угрозы выставлять ополчение. «Дежурство» на границе должен был нести один полк, комплектуемый на определенной территории по казачьим правилам. Второй вариант — упразднение инородческих полков и включение бурят и эвенков в состав Сибирского войска⁵¹. Третий вариант — освобождение туземцев от всех видов службы, перевод их на ясак и усиление Сибирского войска за счет этих поступлений в казну.

Точку в дискуссии поставил граф Н. Н. Муравьев-Амурский. Этот знаменитый генерал-губернатор Восточной Сибири учредил Забайкальское казачье войско, включив в него инородцев, более 300 тысяч русских государственных крестьян и бывших рабочих Нерчинских заводов, а также 10 500 бурят и 1700 тунгусов⁵², составивших 20 % местного войскового сословия⁵³. По мере увеличения русского населения в Сибири доля тунгусов и бурят в частях этого войска все более и более сокращалась⁵⁴. Части и подразделения казаков-забайкальцев имели смешанный характер с большим или меньшим процентом бурят (от 13 % до 90 %),

50 Самбуева Л. В. Бурятское и эвенкийское казачество на страже Отечества. С. 71.

51 Самбуева Л. В. Бурятское и эвенкийское казачество на страже Отечества. С. 69.

52 ПСЗРИ. Собрание 2. Т. 26. № 25039; Т. 31. № 30139.

53 Самбуева Л. В. Бурятское и эвенкийское казачество на страже Отечества. С. 78–79.

54 История Бурят-Монгольской АССР. Т. 1. Улан-Удэ, 1954. С. 133–139.

в зависимости от их общей численности на территории округа, где проходило формирование. В 1888 г. в составе Забайкальского войска было 147 386 православных и 24 537 (или 16,7 %) ламаистов⁵⁵. В 1897 г. буряты составляли 13,7 % забайкальских казаков. Из общей же численности бурят, проживавших на землях войска, бурятами-казаками были 15,3 %⁵⁶. Из 183 служащих 1-го Нерчинского полка, награжденных Знаком отличия военного ордена св. Георгия во время Русско-японской войны 1904–1905 гг., 12 казаков и урядников имели бурятские имена и фамилии⁵⁷.

На другой имперской окраине, на Кавказе, необходимость использования местных человеческих ресурсов также подталкивала правительство к привлечению коренного населения к службе в казачьих войсках. В XVI — первой половине XVIII в. в станицах на Тереке укрывались беглецы с другого берега этой пограничной реки — преступники, бывшие рабы, абреки, мятежные князья и т. д.⁵⁸ Они пополняли ряды так называемых новокрещеных — малочисленного формирования (в 1792 г. их было 178 человек), исполнявшего в основном разведывательные и дипломатические функции, поскольку все служившие в нем знали местные языки⁵⁹. Для обороны крепости Моздок, основанной в 1763 г., правительство рассчитывало на «Моздокскую из горских народов казачью команду», но она также оставалась малочисленной (в 1792 г. всего — 95 человек). У командования не было единого мнения о перспективности пополнения казаков горцами. Кизлярский комендант генерал-майор Н. А. Потапов считал, что «татары — весьма ветреного состояния люди. <...> И хорошего состояния или зажиточные ненадежно, чтобы пошло в казаки, а в сие набираться будут плуты и воры ... считается у них удачливый вор за преимущественного человека...»⁶⁰ Астраханский губернатор П. Кречетников в 1775 г. предлагал

55 Элов Н. И. Забайкальское казачье войско. Нерчинск, 1889. С. 25.

56 Шулунов Ф. К истории бурят-монгольского казачества. Улан-Удэ, 1936. С. 6.

57 Маковкин А. Е. 1-й Нерчинский полк Забайкальского казачьего войска. СПб., 1907. Приложение 1.

58 Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век. М., 1955. С. 912; Козлов С. А. Кавказ в судьбах казачества (XVI-XVIII вв.). СПб., 1996. С. 119.

59 Козлов С. А. Кавказ в судьбах казачества. С. 78–79, 110.

60 Сборник Российского исторического общества. Т. 115. СПб., 1903. С. 473.

распределять по казачьим сотням горцев, перешедших на российскую сторону, чтобы они могли «привыкать к повиновению и к нашему военному обряду»⁶¹. В 1786 г. появился проект обратиться в поселенное войско часть населения Кабарды, Осетии и Ингушетии⁶². Однако напряженность на Центральном Кавказе заставила отказаться от создания там нерусского казачества.

В 1810 г. 269 осетинских семейств обратились с просьбой переселить их на Кавказскую линию «с присоединением к вышедшим прежде их соплеменникам». Командование согласилось, ссылаясь на «военную пользу» и на необходимость спасти христиан от «бусурманских» притеснений⁶³. В 1823 г. из осетинских станиц Новоосетинская и Чернойарская был сформирован отдельный полк (Горский). В 1843 г. его шестая сотня погибла в полном составе, приняв неравный бой с большим отрядом под руководством самого имама Шамиля. Память об этом подвиге запечатлена в народной поминальной песне⁶⁴. В 1822 г. был сформирован полк из кабардинцев — жителей Бабуковского аула, который, согласно рапорту генерал-майора Е. Ф. Сталя А. П. Ермолову от 11 января 1822 г., имел хорошее вооружение и лошадей⁶⁵. В том же 1822 г. генерал-майор Сталь рапортовал Ермолову о том, что «начальник ногайского и абадзинского народа» генерал-майор Султан Менгли Гирей предложил сформировать полк из ногайцев, «содержащийся по образцу казачьего», т. е. с получением от казны на время боевых действий пороха, провианта и фуража⁶⁶.

Горцы, которые селились в казачьих станицах, получали значительную беспроцентную денежную ссуду, а также в течение четырех лет бесплатно обеспечивались семенным хлебом⁶⁷. Правительство, озабоченное пополнением рядов Терского войска, обратило свой взор на армян, уже несколько десятилетий проживавших в Кизляре и его окрестностях. Однако представители армянской общины в специальном прошении отказались

61 Черкесы и другие народы Северо-Западного Кавказа в период правления Императрицы Екатерины II. Т. 2. Нальчик, 1996. С. 19.

62 ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 22. № 16377, 16432.

63 Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 846. Д. 6166. Ч. 1. Л. 139.

64 *Дзагурова Г. Т.* Осетины в войнах России. Владикавказ, 1995. С. 14.

65 РГВИА. Ф. 1471. Оп. 2. Д. 502. Л. 1.

66 Там же. Л. 2.

67 ПСЗРИ. Собрание 2. Т. 15. № 14053.

от чести быть включенными в войсковое сословие. Власти настаивали, и компромисс был найден: часть армян переехала за пределы Терского войска, часть поступила в разряд «торговых казаков». Такая сословная группа существовала уже несколько десятилетий в связи с затрудненным переходом казаков в купечество и необходимостью определения статуса тех, кто занимался предпринимательством на войсковых территориях⁶⁸. В 1830-е гг. правительство было озабочено социальной организацией восточного Закавказья, где имелось большое число лиц (маафы, нукеры и т. д.), которые ранее кормились службой в свите у ханов, разбоями и доходами с недвижимости, не имевшей определенного имущественного статуса. Предлагалось разделить «мусульманские» провинции на участки по 100 семейств, от каждого из которых выставлялось пять всадников (азербайджанцев) или пехотинцев (армян). При этом в первую очередь под ружье ставились представители бывших «военных сословий» края, а утратившие способность служить автоматически теряли все привилегии. Беки и другая местная знать получали обер-офицерское жалование, но не служившие в армии оказывались «на собственном иждивении». Рядовым всадникам предлагалось платить во время службы по 15 рублей серебром в год с предоставлением соответствующей нормы провианта и фуража. Оружие предлагалось изготовить в Туле на 1000 человек «на азиатский манер» и раздать по полкам. По первому требованию Карабахское, Ширванское и Цекинское ханства должны были выставлять 1200 конных и 700 пеших воинов⁶⁹. Реализация такого проекта привела бы к постепенному исчезновению бывших военных сословий и способствовала бы сближению социального деления туземного общества с общероссийской схемой: податное и единое в своих обязанностях население — служащая или живущая на собственные доходы феодальная знать.

Однако такой проект имел ряд существенных изъянов. Во-первых, уравнение беков и агаларов в правах с казачьим дворянством делало их в мирное время офицерами без войска, поскольку в отличие от русских казаков местных жителей

68 Омельченко И. Л. Терское казачество. Владикавказ, 1991. С. 96.

69 Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 8. Тифлис, 1881. С. 426-427.

не призывали на так называемую срочную службу. Во-вторых, неуверенность в лояльности мусульман делала их поголовное вооружение и обучение опасным. В-третьих, жители Кавказа за очень малым исключением не горели желанием получить статус казаков.

Военный министр А. И. Чернышёв в 1840 г. предлагал главнокомандующему на Кавказе Е. А. Головину создать из племени кенгерлинцев, проживавшего в Нахичеванском ханстве, некое подобие казачьего войска. Это предложение объяснялось прочными воинскими традициями этой этнической группы⁷⁰. В 1839–1842 гг. в военном ведомстве обсуждался проект записи в казаки всего населения (и христианского, и мусульманского) Кавказской области, но эту меру сочли нецелесообразной⁷¹. При этом Николай I повелел в случае надобности включать «азиатцев» в состав иррегулярных войск, «не называя их до времени казаками»⁷². К середине XIX в. на линии служило около 2000 осетин-христиан, живших в нескольких станицах. Всего в Терском войске в 1853 г. состояло 73 офицера- «азиатца». Конфессиональная принадлежность не была препятствием для зачисления в казаки: в это время в войске было около 2000 мусульманских душ мужского пола⁷³. Одной из причин того, что горцы записывались в войсковое сословие, было стремление туземцев остаться в родных краях, откуда их выдавливала казачья колонизация. Кроме того, такой шаг гарантировал защиту со стороны мощной военной организации, не препятствовавшей использовать «традиционные» средства поддержания равновесия в отношениях с немирными соседями⁷⁴.

Когда в 1856 г. власти решили пополнить Владикавказский полк Терского войска горцами, командир этой части в специальном рапорте указал, что «сия последняя мера может быть исполнена не иначе как исподволь, и с большой осторожностью. Во всяком случае, окончательное присоединение их к полку должно

70 Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 9. Тифлис, 1884. С. 143–144.

71 Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1843–1856. М., 2000. С. 31–32.

72 РГВИА. Ф. 38. Оп 7. Д. 82. Л. 4.

73 РГИА. Ф. 1268. Оп. 8. 1855 г. Д. 100. Л. 7–10.

74 Barrett T. M. At the Edge of Empire. The Terek Cossacks and The North Caucasus Frontier, 1700–1860. Boulder, 1999. P. 93–94.

на некоторое время отложить, и для приготовления их совершенно к тому переходу следует первоначально подчинить их полковому командиру по внутреннему управлению для большего сближения с войском и родом службы, начать брать с них на определенное и короткое время милицию для содержания постов, положив им за то малую плату и провиант; такую повинность уравнивать с той, которая будет возложена на общих основаниях для казачьего войска»⁷⁵. К попыткам увеличить численность казаков за счет горцев подталкивали проблемы адаптации переселенцев из внутренних губерний. В уже упоминавшемся рапорте командир Владикавказского полка акцентировал внимание начальства на том, что создание целых станиц из таких чужаков нецелесообразно, поскольку они из-за болезней, вызванных непривычным климатом, в первые 2–3 года не только служить не смогут, но и сами потребуют охраны и содержания⁷⁶.

Для «приучения» горцев к армейским порядкам в первой половине XIX в. стало практиковаться их причисление к казачьим полкам, действовавшим в этом регионе. Туземцы получали содержание наравне с казаками, но сохраняли свои наименования (бек, нукер и т. д.), национальную одежду и вооружение, освобождались от учений⁷⁷. Князь М. С. Воронцов предложил прикомандировать всех туземцев, имевших офицерские чины, к казачьим полкам, расположенным в Закавказье. Им полагалось содержание по нормам грузинской милиции. При этом их численность не должна была превышать 20 % командного состава казачьих частей. Этот проект не был реализован, поскольку казачьи полки были рассеяны по постам, и в силу этого почти каждый пятый пост автоматически оказывался бы под командой нерусского начальника, чего власти допустить не могли. В казачьих полках, выполнявших караульные и полицейские задачи, военной учебой не занимались и потому те не могли стать местом подготовки туземцев. Кроме того, число желавших служить не рядовыми было очень велико по сравнению со штатами казачьих частей.

75 РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 82. Л. 88.

76 Там же. Л. 173–174.

77 ПСЗРИ. Собрание 2. Т. 31. № 31063.

Несмотря на то, что большинство компетентных лиц высказывалось против сохранения местных служилых сословий в мусульманских провинциях, в 1847 г. было утверждено «Положение о сословии маафов в Закавказском крае». Перепись проводилась «без подробного изыскания: правильно или произвольно пользуются званием», дававшим право претендовать на положение привилегированного служилого сословия. Всем претендентам давалось полгода на раздумья. Желающие выйти из служилого сословия переходили в разряд казенных крестьян с трехлетней льготой по налогам и повинностям. Маафы освобождались от всех налогов и повинностей и должны были выставить определенное число воинов в мирное и военное время. При нарядах на службу полагалось жалование 2 рубля серебром в месяц, мясная порция и фураж на одну лошадь по казачьему окладу. За службу вне пределов уезда выдавалось довольствие по милиционному положению, а за убитую или павшую лошадь выплачивалась компенсация — 30 рублей. Изменение «прав состояния» производилось или только по императорскому распоряжению, или автоматически, если после смерти главы семейства на службе оказывалось менее половины его взрослых членов⁷⁸. Одновременно с маафами были определены на сходных условиях нормы и для других групп служилых людей в Закавказье (нукеров на границе с Персией). Организовывал службу и командовал отрядом представитель местной знати (бек) под наблюдением уездного начальника. Те семейства, которые оказывались не в состоянии поставлять всадников, «смещались» в поселяне, а их место занимали последние — по представлению уездного начальника⁷⁹. В том, что маафы, куртинцы и кенгерлинцы и другие «склонные к военной службе туземцы Закавказья» были переведены в разряд служилого военного сословия, большую роль сыграла позиция И. Ф. Паскевича, который, судя по его докладу 1841 г. на высочайшее имя, был решительным сторонником такой военной организации⁸⁰. Реформа оказалась действенной, произошло заметное расслоение населения восточного Закавказья

78 ПСЗРИ. Собрание 2. Т. 22. № 21826 (от 28.12.1847); Колониальная политика русского царизма в Азербайджане. Ч. 2. М.; Л., 1937. С. 201.

79 ПСЗРИ. Собрание 2. Т. 22. № 211827 (от 28.12.1847).

80 РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 82. Л. 218.

по общероссийским стандартам на три группы, соответствующих дворянству, казачеству и крестьянству, с понятным властью отношением к службе, налогам и повинностям.

Генерал А. А. Вельяминов, большой знаток Кавказа, был противником формирования казачьих частей из горцев. При этом он ссылался на печальный опыт Римской империи, доверившей охрану своих границ наемным отрядам варваров. Он писал: «Сколько раз употребляли мы кумык против чеченцев, чеченцев против кабардинцев, сии последние употреблены были против закубанцев, закубанские ногайцы против абадзехов и шапсугов, но это не произвело до сих пор ни малейшей между ними неприязни. Все готовы помогать друг другу к ниспровержению владычества нашего, коль скоро находят хотя малейшую к тому возможность»⁸¹. «Породнение» кавказских казаков с горцами по мнению российских националистов, выразителем взглядов которых был известный журналист В. Л. Величко, было вредным явлением⁸². Казачьи варианты несения воинской службы оказывались не вполне подходящими для формирований частей из инородцев еще по одной причине. Станичники экипировались за собственный счет, получая в случае необходимости вспомоществование из войсковой казны. На Кавказе и в Калмыкии снаряжение добровольцев считалось в большинстве случаев их личным делом, поэтому многие малоимущие оказывались не в состоянии обзавестись всем необходимым (лошадь, сбруя, оружие, форменная одежда и обувь). Так, в 1877 г. при формировании Кабардино-Кумыкского и Чеченского конно-иррегулярных полков многие имели только кинжал и пистолет⁸³.

В пополнении казачества за счет инородцев отчетливо просматриваются две взаимоисключающие тенденции. С одной стороны, войска считались местом и средством интеграции туземного населения. Согласно «Положению о Кавказском линейном войске» 1845 г. в нем состояли все, кто был ранее в него зачислен, что фактически легализовало пребывание в сословии всех инородцев. Разрешалось принимать «не состоящих

81 Вельяминов А. А. Замечания на письмо главнокомандующего действующей армией к военному министру от 27.07.1832 // Кавказский сборник. 1883. Т. 7. С. 132–133.

82 Величко В. Л. Кавказ. Русское дело и междуплеменные вопросы. Баку, 1990. С. 187.

83 Муталиев Т. Х. В одном строю. Чеченцы и ингуши в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов. Грозный, 1978. С. 38.

на действительной службе азиатцев разного наименования»⁸⁴. С другой стороны, правительство настороженно относилось к усилению нерусского элемента в этих военизированных территориально-административных организациях, особенно в тех случаях, когда этот элемент был еще и иным по вероисповеданию. При этом просматривается существование своеобразной градации народов по уровню их «надежности». В проекте пополнения Терского казачьего войска кабардинцам и осетинам предлагалось устраивать при их поселении на Кавказской линии пятилетний испытательный срок, после которого первые (мусульмане) переводились в разряд государственных крестьян, а вторые (христиане) — казаков⁸⁵. По положению Кавказского комитета 1861 г. горцами, вернувшимися из-за границы, сначала намеревались пополнять Оренбургское и Уральское войско. Но затем, во избежание распространения среди казаков «инородного элемента», их стали селить в Оренбургской губернии на положении государственных крестьян. На Кавказе зачисление горцев в войсковое сословие осложнялось взаимной враждой, которая время от времени проявлялась в открытых кровавых столкновениях. В 1906 г. между терскими казаками и ингушами в ауле Яндырка Терской области прошел настоящий бой, итогом которого стали 12 убитых и 30 раненых с обеих сторон⁸⁶.

Ингуши, чеченцы и дагестанцы отрицательно относились к перспективам оказаться на положении казаков. Кабардинцы и осетины проявляли большую готовность к такому изменению своей сословной принадлежности, и здесь ограничительным фактором являлось опасение правительства слишком сильно разбавлять ряды казаков инородческим элементом. На западном Кавказе население считало запись в казачество наименьшим злом, так как это гарантировало сохранение земель. Но к тамошним племенам начальство питало наибольшее недоверие. Кроме того, кубанские казаки в отличие от своих терских собратьев были более нетерпимы к горцам.

84 ПСЗРИ. Собрание 2. Т. 20. № 18739.

85 Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 4. Тифлис, 1870. С. 831.

86 *Гатагова Л. С.* Межэтнические конфликты // Российская многонациональная цивилизация. Единство и противоречия. М., 2003. С. 243–244.

К включению туземного населения в казачьи войска подталкивали и высокие санитарные потери из-за непривычного для русских поселенцев климата. Так обстояли дела в некоторых районах Закавказья. В 1840-е гг. правительство намеревалось переименовать Гурийский уезд в Военно-Гурийский округ, жители которого освобождались от налогов и повинностей, а взамен обязывались бы формировать дружины, предназначенные для обороны Западной Грузии. Командный состав формировался бы из местного дворянства, а начальником нового войска становился сам глава округа — штаб-офицер или генерал русской службы. Противником создания «гурийского казачества» выступил М. С. Воронцов, который в своем рапорте на высочайшее имя писал, что Гурия «не может еще считаться провинцией совершенно покорною и мирною. Состоя из населения, хотя воинственного, но необразованного, легковверного и христианского более по названию, нежели по нравственным правилам и понятиям, она имеет гораздо менее общего с сопредельным ей христианским населением Имеретии и Мингрелии». Он предлагал создавать только временные ополчения на период войны, но избегать формирования стабильной военной организации, которая может стать оплотом антиправительственных сил. Николай I согласился с главнокомандующим, отметив на полях доклада: «Нечего делать, хотя весьма жаль»⁸⁷.

В тех случаях, когда инородцы составляли значительную часть населения или даже большинство, они сохраняли «национальные практики», которые, мягко говоря, противоречили писаным и неписаным законам. В Бабуковской станице Терского войска населявшие ее кабардинцы использовали рабский труд. В 1853 г. на 1044 служилых казака здесь оказалось 510 рабов. Князь Воронцов издал специальный приказ, запрещающий использовать труд невольников, число которых к следующей проверке увеличилось на 170 человек⁸⁸.

Перевод инородцев в казачье сословие не мог быть неким универсальным средством. Благодаря включению туземцев в состав казачьих войска использовался военный потенциал местного

87 Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Т. 10. Тифлис, 1885. С. 263–265.

88 Barrett T. M. At the Edge of Empire. P. 93–94.

населения, и это соответствовало давней отечественной традиции; но в условиях Кавказа это было проблемным делом по двум причинам. Во-первых, само слово «казак» для значительной части населения Северного Кавказа ассоциировалось с понятием «враг» со всеми вытекающими отсюда последствиями. Горцы не видели особой разницы в положении солдата и казака и потому настороженно относились к попыткам изменить их привычную форму военной службы (комплектование милиции). Во-вторых, массовый переход горцев в разряд казаков фактически легализовал создание прочной военной машины в стратегически важном районе; машины, которая, по мнению властей, легко могла выйти из-под контроля. Можно с высокой степенью уверенности сказать, что проблема устройства воинской повинности на Кавказе оказывала большое влияние на определение сословной принадлежности в этом регионе.

Казачье «устройство» инородцев способствовало стабилизации командного состава войска (при сборе ополчений происходила стихийная ротация), что влекло за собой быстрое формирование «старшины», который легко использовал свое положение для обогащения. Сложнее обстояло дело с закреплением приобретенных сословных привилегий: туземцам было сложно выслужиться до штаб-офицерских чинов, дававших право на получение потомственного дворянства. Казачья организация с характерным для нее отсутствием частной собственности на землю препятствовала выделению национальной феодальной элиты, прочно связывала башкирскую знать с государственной (военной) службой⁸⁹.

Казачьи войска вносили свою лепту в процесс христианизации населения национальных окраин. В Чугуевское казачье войско в первой половине XVIII в. разрешили принимать калмыков при условии их крещения⁹⁰. В 1743 г. в казачьих городках было решено селить пленных и принявших христианство горцев⁹¹. Зачисление инородцев в некоторые казачьи войска обуславливалось необходимостью крещения. (Так в 1912 г. возникла большая

89 Янгузин Р. З. Социальная структура башкирского общества в XVIII–XIX вв. Уфа, 1987. С. 60–61, 69, 76.

90 ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 7. № 4795 (от 27.10.1725).

91 ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 11. № 8696.

переписка между МВД, военным ведомством и Святейшим синодом по поводу записи в казаки 408 калмыков, переселившихся в Россию из Китая⁹².) Особенно остро этот вопрос стоял в Семиреченском войске, которое (в отличие, например, от Донского) находилось в окружении иноверческого населения.

Казачьи войска интегрировали инородцев через приобщение к «общероссийским нормам» через военную субкультуру. До рубежа XVIII–XIX вв. правительство требовало лишь выставления воинских контингентов определенной численности, фактически не вмешиваясь в вопросы организации службы нерусских народов, что соответствовало уровню их внутренней автономии. По мере усиления контроля правительства над инородческими регионами увеличивалось и внимание к регулярности национальных формирований. В правительственных распоряжениях все чаще появляются указания на изменения в форме, вооружении, чинопроизводстве и т. д.⁹³

Поскольку само слово «казак» символизировало волю, престижную государеву службу, а принадлежность к этому разряду гарантировала получение земельного надела и обитание в психологически комфортной зоне развитого местного самоуправления, а также сулила еще ряд льгот, то казачью систему сочли приемлемой различные этносы, заметно отличавшиеся по своему образу жизни.

При комплектовании и снаряжении иррегулярных войск допускались значительные послабления в соблюдении установленных правил, носивших к тому же довольно расплывчатый характер (например, иррегулярная конница имела оружие разных образцов). Все это смягчало для инородцев условия военной службы.

При всем разнообразии существующих определений идентичности общим в них является признание важности ощущаемой принадлежности к определенному культурному пространству, которое складывается из национальных, языковых, территориальных, расовых, религиозных, бытовых и государственно-административных составляющих. Все перечисленные компоненты уже в силу своей многочисленности (и внутренней неоднородности) каждое в отдельности уступает этой самой

92 РГИА. Ф. 797. Оп. 82. Д. 417. Л. 1–6.

93 ПСЗРИ. Собрание первое. Т. 31. № 24155, № 24561 (именной указ от 08.08.1812).

«ощущаемой принадлежности». В случае с казачеством нерусским индивидам и их группам было нетрудно принять идентичность войскового сословия хотя бы по причине доминирования сословного принципа определения социального статуса. Иностранец, записанный в казаки, изменял свое состояние, ранее определявшееся его этнической принадлежностью и вероисповеданием. Практически у всех народов южных и восточных окраин империи полноценной социальной единицей был только мужчина, который доказывал свою состоятельность как воин (охотник). Зачисление в войсковое сословие добавляло к этому официальность и «потомственный характер».

Монополия на легализованное организованное насилие является едва ли не самым важным принципом функционирования государства, которое по умолчанию обязывается обеспечить безопасность своих граждан (подданных) с помощью вооруженных сил, находящихся под полным контролем верховной власти. Но в приграничье, где политическая культура на сопредельных территориях не гарантировала спокойствие путем заключения межгосударственных соглашений, правительство далеко не всегда могло выполнить свои обязательства по причинам военно-технологического, административного и финансового характера. На многих участках азиатской границы России регулярные войска не могли сделать рубежи империи неприкосновенными, поскольку для этого требовалось совершенно немыслимое количество солдат и офицеров, а также немыслимые расходы. Обстановка здесь менялась с такой быстротой, что схема действий, стандартная для европейских вооруженных сил (следование приказам, идущим сверху, отданным на основании информации, пришедшей снизу), оказывалась абсолютно неэффективной. От пограничных войск требовалась самостоятельность в принятии оперативных решений, а также максимально возможный уровень самообеспечения и самоорганизации, приспособленность к цикличности военных тревог (длительные периоды затишья и короткие, но интенсивные всплески боевой активности). Кроме того, успешность действий в особых природных и социокультурных условиях (на фронтире) зависела от высокого уровня акклиматизации, хорошего знания местности, «творческого» отношения к уставным нормам, взаимопонимания рядового и командного состава. Последнему способствовало отсутствие

резкого культурного и социального различия между военнослужащими разных рангов. Требовалось создание силовых структур, которые бы в наибольшей степени отвечали специфической обстановке восточного пограничья. В наибольшей степени таким требованиям отвечали казаки, а также иррегулярные воинские формирования, комплектовавшиеся туземным населением.

Недостаточная гибкость субкультуры регулярной армии была еще одной важной причиной эффективности казачьих войск на фронтальной зоне, которой являлось практически все российское приграничье к востоку от Азовского и Черного моря.

В силу своего порубежного расположения казачьи области включали в свой состав земли, где проживали различные нерусские народности, что автоматически ставило вопрос о мирном сосуществовании, чтобы избежать превращения места совместного проживания в зону перманентного военного конфликта. Естественный прирост русского казачества замедлялся из-за боевых потерь и хозяйственных ущербов, что было неизбежно в условиях постоянной угрозы разорения. Приток переселенцев из «коренных губерний» далеко не всегда мог в достаточной степени пополнять войсковое сословие, что заставляло власти обращать внимание на местные человеческие ресурсы.

Таким образом, официальное или фактическое присвоение статуса казаков целым народам и группам иммигрантов, включение их в состав казачьих войск в Российской империи служило действенным инструментом при решении вопросов о социальной и военной организации инородцев.

ЛИТЕРАТУРА

- Асфандияров А. З. Введение кантонной системы управления в Башкирии // Из истории Башкирии: Дореволюционный период / отв. ред. И. Г. Акманов, Р. Г. Кузев. Уфа: [Б. и.], 1968. С. 153-164.
- Беликов Т. И. Участие калмыков в войнах России в XVII, XVIII и первой четверти XIX вв. Элиста: Калмгосиздат, 1960. 142 с.
- Буссе Ф. Забайкальское инородческое войско. М.: Товарищество типографий А. И. Мамонтова, 1897. 64 с.
- Величко В. Л. Кавказ. Русское дело и междуплеменные вопросы. Баку: Элм, 1990. 222 с.
- Гатагова Л. С. Межэтнические конфликты // Российская многонациональная цивилизация. Единство и противоречия / отв. ред. В. В. Трепавлов. М.: Наука, 2003. С. 213-264.

- Дамешек Л. М.* Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX — начало XX века). Иркутск: Издательство Иркутского университета, 1986. 168 с.
- Дзагулова Г. Т.* Осетины в войнах России. Владикавказ: Алания, 1995. 238 с.
- История Башкортостана. Ч. 1. С древнейших времен до 1917 г. / И. Г. Акманов [и др.]. Уфа: БГУ, 1991. 352 с.
- История Бурят-Монгольской АССР. Т. 1 / гл. ред. П. Т. Хаптаев. Улан-Удэ: Бурят-Монгольское книжное издательство, 1954. 496 с.
- История казачества азиатской России. Т. 2. Вторая половина XIX — начало XX века / гл. ред. В. В. Алексеев. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. 256 с.
- История Татарской АССР. Том 1. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции / отв. ред. Х. Г. Гимади. Казань: Таткнигоиздат, 1955. 560 с.
- Козлов С. А.* Кавказ в судьбах казачества (XVI–XVIII вв.). СПб.: Кольна, 1996. 268 с.
- Колониальная политика российского царизма в Азербайджане. Ч. 2 / ред. И. П. Петрушевский. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1937. 478 с.
- Маковкин А. Е.* 1-й Нерчинский полк Забайкальского казачьего войска (1898–1906). СПб.: [Б. и.], 1907. 212 с.
- Муталиев Т. Х.* В одном строю. Чеченцы и ингуши в Русско-турецкой войне 1877–1878 годов. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1978. 94 с.
- Нигматуллин С. Н.* О социальном строе башкирского общества в первой половине XIX в. // Из истории Башкирии: Дореволюционный период / отв. ред. И. Г. Акманов, Р. Г. Кузеев. Уфа: [Б. и.], 1968. С. 42–54.
- Омельченко И. Л.* Терское казачество. Владикавказ: Ир, 1991. 300 с.
- Прозрителев Г.* Военное прошлое наших калмык. Ставропольский калмыцкий полк и Астраханские полки в Отечественную войну 1812 года. Ставрополь: Типография губернского правления, 1912. 356 с.
- Самбуева Л. В.* Бурятское и звенкийское казачество на страже отечества (Вторая четверть XVIII — первая половина XIX вв.). Улан-Удэ: Издательство ВСГТУ, 2003. 204 с.
- Сапожников И. В.* Греки под Одессой: Очерки истории пос. Александровка с древнейших времен до начала XX в. / И. В. Сапожников, Л. Г. Белоусова. Одесса: Элтон-2; Ильичевск: Гратек, 1999. 264 с.
- Усманов А. Н.* Башкирский народ в Отечественной войне 1812 года. Уфа: Башкнигоиздат, 1964. 136 с.
- Шулунов Ф. М.* К истории Бурят-Монгольского казачества. Улан-Удэ: Бургосиздат, 1936. 28 с.
- Эпов Н. И.* Забайкальское казачье войско. Нерчинск: Типография М. Д. Бутина, 1889. 76 с.
- Янгузин Р. Э.* Социальная структура башкирского общества в XVIII–XIX вв. Уфа: Издательство Башкирского университета, 1987. 88 с.
- Barrett T. M.* At the Edge of Empire. The Terek Cossacks and The North Caucasus Frontier, 1700–1860. Boulder: Westview Press, 1999. 264 p.
- Baumann F.* Subject Nationalities in the Military Service of Imperial Russia. The Case of The Bashkirs // Slavic Review. 1987. Vol. 46. № 3/4. P. 493–501.

REFERENCES

- Asfandiġarov A. Z.* Vvedenie kantonnoi sistemy upravleniia v Bashkirii // Iz istorii Bashkirii: Dorevoliucionnyi period / otv. red. I. G. Akmanov, R. G. Kuzeev. Ufa: [S. n.], 1968. P. 153–164. In Russian.
- Belikov T. I.* Uchastie kalmykov v voynakh Rossii v XVII, XVIII i pervoi chetverti XIX vv. Elista: Kalmgosizdat, 1960. 142 p. In Russian.
- Busse F.* Zabaikal'skoe inorodcheskoe voisko. Moscow: Association of Printing Houses of A. I. Mamontov, 1897. 64 p. In Russian.
- Dameshek L. M.* Vnutrenniaia politika tsarizma i narody Sibiri (XIX — nachalo XX veka). Irkutsk: Irkutsk University Publishing House, 1986. 168 p. In Russian.
- Dzagurova G. T.* Osetiny v voynakh Rossii. Vladikavkaz: Alania Publ., 1995. 238 p. In Russian.
- Eпов N. I.* Zabaikal'skoe kazach'e voisko. Nerchinsk: Printing house of M. D. Butin, 1889. 76 p. In Russian.
- Gatagova L. S.* Mezheticheskie konflikty // Rossiiskaia mnogonatsional'naia tsivilizatsiia. Edinstvo i protivorechiia / otv. red. V. V. Trepavlov. Moscow: Nauka Publ., 2003. P. 213–264. In Russian.
- Istoriia Bashkortostana. Part. 1. S drevneishikh vremen do 1917 g. / I. G. Akmanov [et al.]. Ufa: Bashkir State University Press, 1991. 352 p. In Russian.
- Istoriia Buriat-Mongol'skoi ASSR. Vol. 1 / gl. red. P. T. Khaptaev. Ulan-Ude: Buryat-Mongolian book publishing house, 1954. 496 p. In Russian.
- Istoriia kazachestva aziatskoi Rossii. Vol. 2. Vtoraia polovina XIX — nachalo XX veka / gl. red. V. V. Alekseev. Yekaterinburg: Ural Department of the Russian Academy of Sciences Press, 1995. 256 p. In Russian.
- Istoriia Tatarskoi ASSR. Vol. 1. S drevneishikh vremen do Velikoi Oktiabr'skoi sotsialisticheskoi revoliutsii / otv. red. H. G. Gimadi. Kazan: Tatknigoizdat, 1955. 560 p. In Russian.
- Kolonial'naia politika rossiiskogo tsarizma v Azerbaidzhane. Vol. 2 / red. I. P. Petrushevskii. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1937. 478 p. In Russian.
- Kozlov S. A.* Kavkaz v sud'bakh kazachestva (XVI–XVIII vv.). St.-Petersburg: Kol'na Publ., 1996. 268 p. In Russian.
- Makovkin A. E.* 1-i Nerchinskii polk Zabaikal'skogo kazach'ego voiska (1898–1906). St.-Petersburg: [S. n.], 1907. 212 p. In Russian.
- Mutaliev T. H.* V odnom stroiu. Chechentsy i ingushi v Rusko-turetskoi voine 1877–1878 godov. Grozny: Chechen-Ingush Book Publishing House, 1978. 94 p. In Russian.
- Nigmatullin S. N.* O sotsial'nom stroe bashkirskogo obshchestva v pervoi polovine XIX v. // Iz istorii Bashkirii: Dorevoliucionnyi period / otv. red. I. G. Akmanov, R. G. Kuzeev. Ufa: [S. n.]. P. 42–54. In Russian.
- Omel'chenko I. L.* Terskoe kazachestvo. Vladikavkaz: Ir Publ., 1991. 300 p. In Russian.
- Prozritelev G.* Voennoe proshloe nashikh kalmyk. Stavropol'skii kalmytskii polk i Astrakhanskii polki v Otechestvennuu voinu 1812 goda. Stavropol: Printing house of the Provincial Board, 1912. 356 p. In Russian.

- Sambueva L. V.* Buriatskoe i evenkiiskoe kazachestvo na strazhe otechestva (Vtoraia chetvert' XVIII — pervaiia polovina XIX vv.). Ulan-Ude: East Siberian State Technological University Press, 2003. 204 p. In Russian.
- Sapozhnikov I. V.* Greki pod Odesso: Ocherki istorii pos. Aleksandrovka s drevneishikh vremen do nachala XX v. / I. V. Sapozhnikov, L. G. Belousova. Odessa: Elton-2 Publ.; Illichivsk: Gratek Publ., 1999. 264 p. In Russian.
- Shulunov F. M.* K istorii Buriat-Mongol'skogo kazachestva. Ulan-Ude: Burgosizdat, 1936. 28 p. In Russian.
- Usmanov A. N.* Bashkirskii narod v Otechestvennoi voine 1812 goda. Ufa: Bashknigoizdat, 1964. 136 p. In Russian.
- Velichko V. L.* Kavkaz. Russkoe delo i mezhduplemennye voprosy. Baku: Elm Publ., 1990. 222 p. In Russian.
- Yanguzin R. Z.* Sotsial'naia struktura bashkirskogo obshchestva v XVIII–XIX vv. Ufa: Bashkir State University Press, 1987. 88 p. In Russian.
- Barrett T. M.* At the Edge of Empire. The Terek Cossacks and The North Caucasus Frontier, 1700–1860. Boulder: Westview Press, 1999. 264 p.
- Baumann F.* Subject Nationalities in the Military Service of Imperial Russia. The Case of The Bashkirs // *Slavic Review*. 1987. Vol. 46. № 3/4. P. 493–501.